ОБЕЗЬЯНКА
АФРИКАНКА
В БЕДЕ
БОЛГАРСКИЙ
ХУДОЖНИК

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

ПЕТУШОК В КЛЕТКЕ

Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

ШАПКА В МОРЕ

Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

НИКОЛАЙ ЗИДАРОВ

ОБЕЗЬЯНКА АФРИКАНКА В БЕДЕ

Иллюстрации ГЕНЧО ДЕНЧЕВА

ЛЫЧЕЗАР СТАНЧЕВ

ПРО АЧО И РУМЯНУ

Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

Перевод ВАЛЕНТИНА АРСЕНЬЕВА

Под редакцией ВАСИЛИЯ ПРОТОПОПОВА

ОБЕЗЬЯНКА АФРИКАНКА В БЕДЕ

Болгарское заглавие:

МУНКА МАЛКАТА МАЙМУНКА В БЕДА

Перевод с болгарского Валентина Арсеньева

Редактор перевода Василий Протопопов

Художественный редактор Атанас Пацев

Технический редактор Милка Йонева

Корректор Рени Карастоянова

Вышла из печати 25. XII. 1976 г.

Печ. л. 6. Формат 12/70/100 Тираж 40,120. Заказ 704.

Тем. № 4001020200/36—1976

Отп. в литографии «БАЛКАН»

Государственный полиграф. комбинат им. Д. Благоева

ДБ-3 Издательство «Болгарский художник», София, 1976

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

ПЕТУШОК В КЛЕТКЕ

Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

Помню, доставили в наше село раз петушка Золотое крыло. Птичница просто не верит глазам: — Гость небывалый пожаловал к нам! Молвил телятник: — Отменных пород! — Важная птица! — сказал овцевод. На руки взял петушка бригадир, всем петушкам на селе командир, полюбовался и тихо сказал: — Этакой штучки и свет не видал! — Сам председатель наш тотчас решил: — Как бы его кто не придушил, нужно кормушку ему сколотить, будет отдельно клевать он и пить!..

Птичница утром вбегает в совет, плачет, от страха лица на ней нет. Стонет: — Не пьёт, не клюёт петушок, видно, хворает, убей меня бог! Я ль не давала ему отрубей, гору зерна подложила, ей-ей! А под конец налила молоко. Он и не глянет, знай тянет „коко“!

— Ясно! — сказал председатель наш строго: — Пусть зоотехник объявит тревогу. Предотвратить надо страшную драму — в округ немедленно дать телеграмму!

В клетке печально сидит петушок, жалобно хохлится, сник гребешок. По-человечьи сказать нелегко, а по-куриному проще: „ко-ко!..“

„Хочется, мол, по двору прогуляться, хочется, мол, с петушками подраться, хочется, хочется, хочется мне в солнечный полдень дремать на гумне“.

В полдень с полей зоотехник примчался. — Как петушок наш? — и голос сорвался. Взял петушка, осмотрел его зорко, маковых

зёрен он высыпал горку, в горло ему сквозь очки заглянул, тонкой иглой петушка он кольнул... Только больной сипло тянет всё „сò-со". — Проса он просит, конечно же, проса! — радостно наш зоотехник вскричал и со всех ног в сельсовет побежал.

Долго не думали там, не гадали: грузовики на разведку послали. С просом отборным большие кули на птицеферму они привезли. Быстро наполнена просом тарелка, и собрались тут, как на посиделках, птичница, с нею свинар, овцевод, сам председатель и прочий народ. Каждый болящему просо подносит, каждый усердно клевать его просит, но петушок наш клевать не желает, лишь головою усердно качает, по-петушиному шепчет „ко-ко“.

Это „ко-ко“ объяснить нам легко: „Хочется, мол, во дворе посолоняться, хочется, мол, с петушками подраться, хочется, хочется, хочется, мне в солнечный полдень дремать на гумне!“. Люди дивятся, ведь им невдомёк, что̀ им по-птичьи твердит петушок. Люди тоскуют и чуть не плачут: вот разреши-ка такую задачу. С этим красавчиком просто беда, впрок не идёт ему наша еда!

Тотчас в Софию отправлен доклад: „SOS! Не идет у нас дело на лад: ваш петушок в изолятор посажен, только на корм и не глянет он даже, только тощает у нас на глазах. Дайте совет нам в коротких словах!“ Сразу же по телефону ответ: „К птицам пустите его — наш совет“. Вот оно, значит, что получается! Быстренько дверца тут открывается... „Эй, петушок, выходи на простор! Ждут тебя сверстники, весь птичий двор“. Выскочил бойко во двор

петушок. Радостен, звонок его голосок, слышится всюду его „ко-ко-ко!“ Это вы сами поймёте легко: „Вам, мол, спасибо за вашу заботу! Зёрна клевать теперь буду в охоту, вместе с другими я буду вставать, солнышко громкою песней встречать!“

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

ШАПКА В МОРЕ

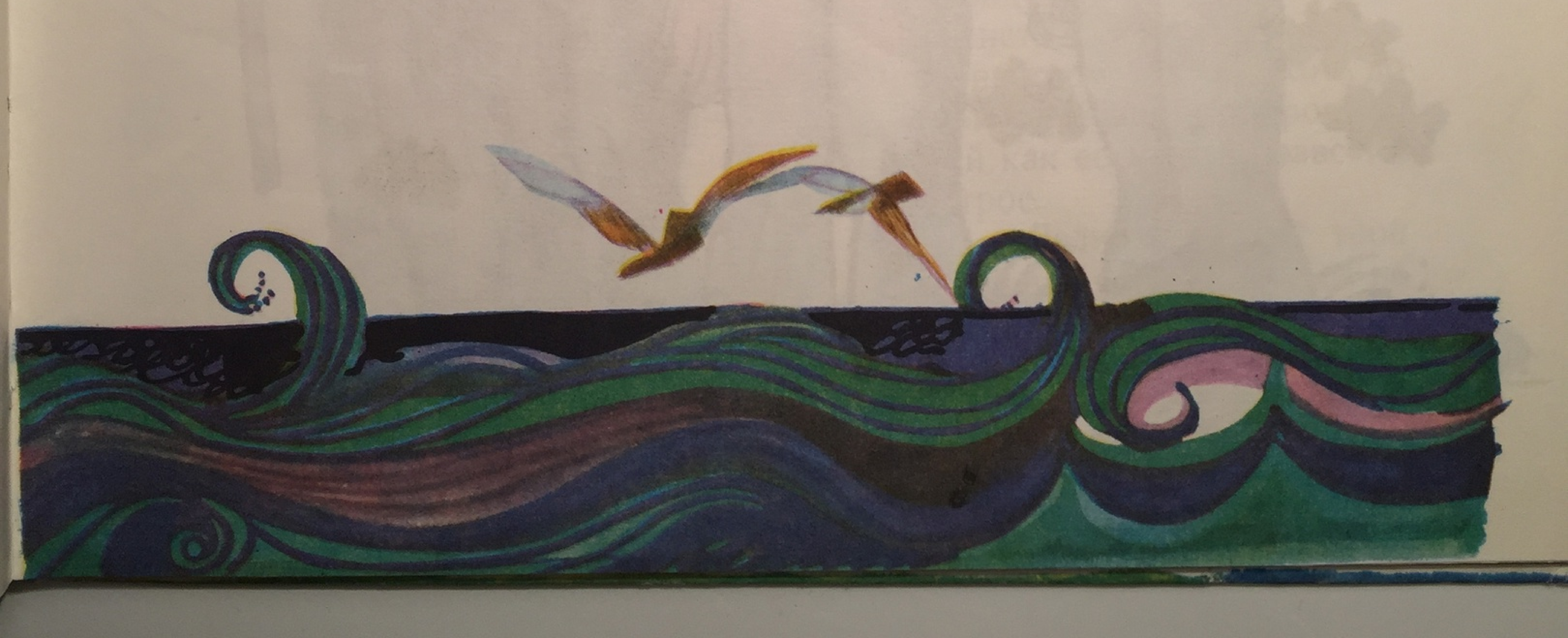
Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

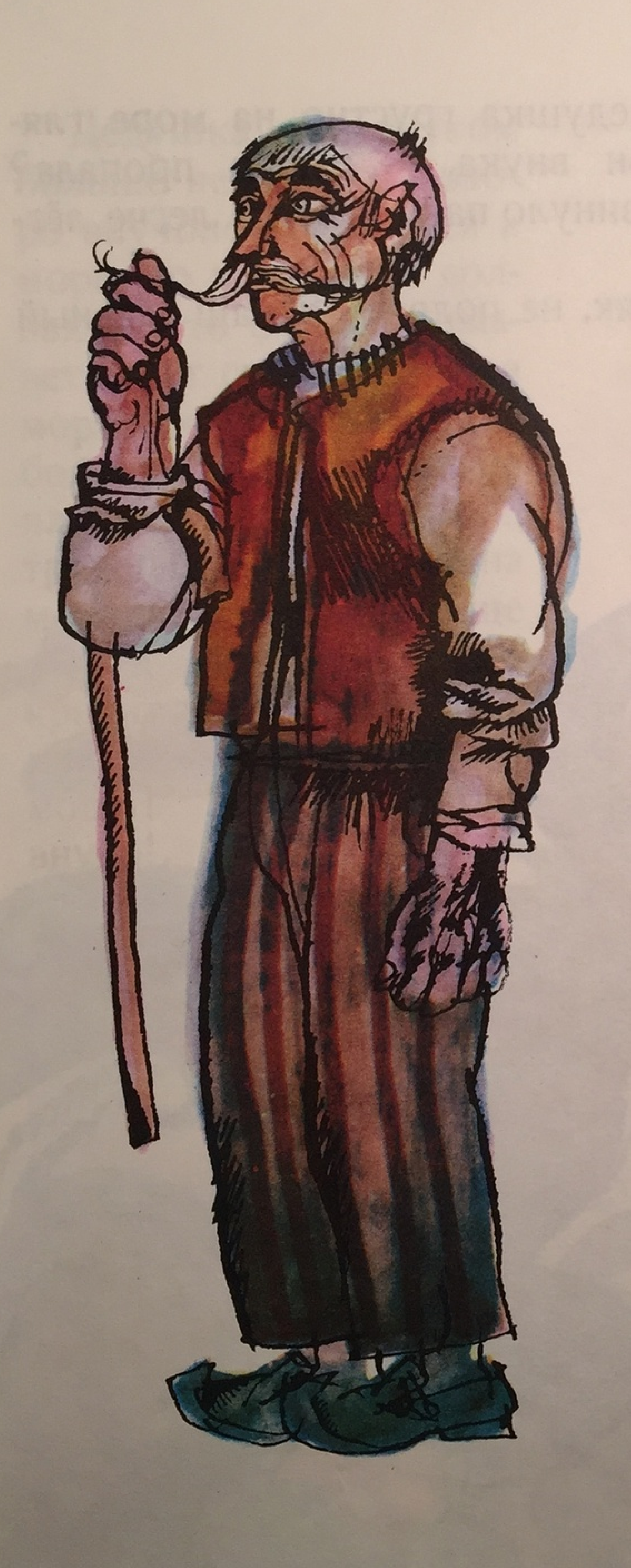

Море впервые старик увидал. Встал на утёс, головой покачал: „Нет ему краю! Сказать без обману, море ни в чём не уступит Балкану!..” Только на море взглянуть он успел, ветер морской на него налетел, шапку сорвал с головы и унёс, в бездну морскую швырнул под утёс, Дед спохватился: „А шапка-то где?“ Глядь, его шапка плывёт по воде. Шапке кричит он: — Поплавай пока, внука пойду позову — моряка! Внуки у нас удалые матросы, и не страшны им ни глубь, ни утёсы!“.

Дед на причал прибежал наконец. — Может, в матросы собрался отец? — деда спросили там три моряка. — Нет, в капитаны я мечу

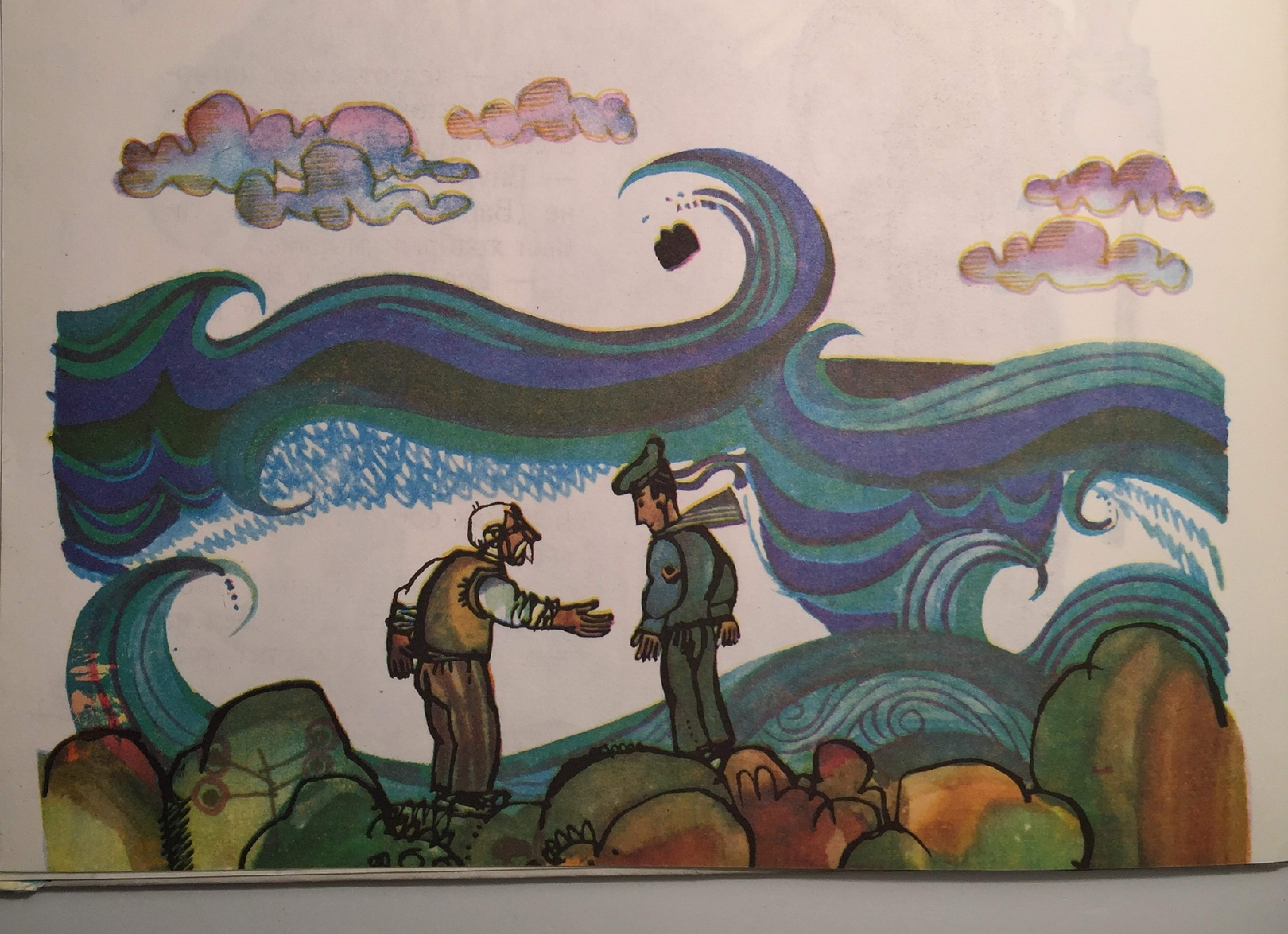
пока, — дед отвечает матросам, не мешкая, глядя на них с добродушной усмешкою: — Внук у меня здесь на судне „Варяг“, он, говорят, самый храбрый моряк...

— Все моряки у нас храбры на диво! — деду матросы в ответ горделиво. — С виду каков он? С усами иль нет? — Им отвечает с достоинством дед: — Хоть до усов внук ещё не дорос, самый как есть он заправский матрос.

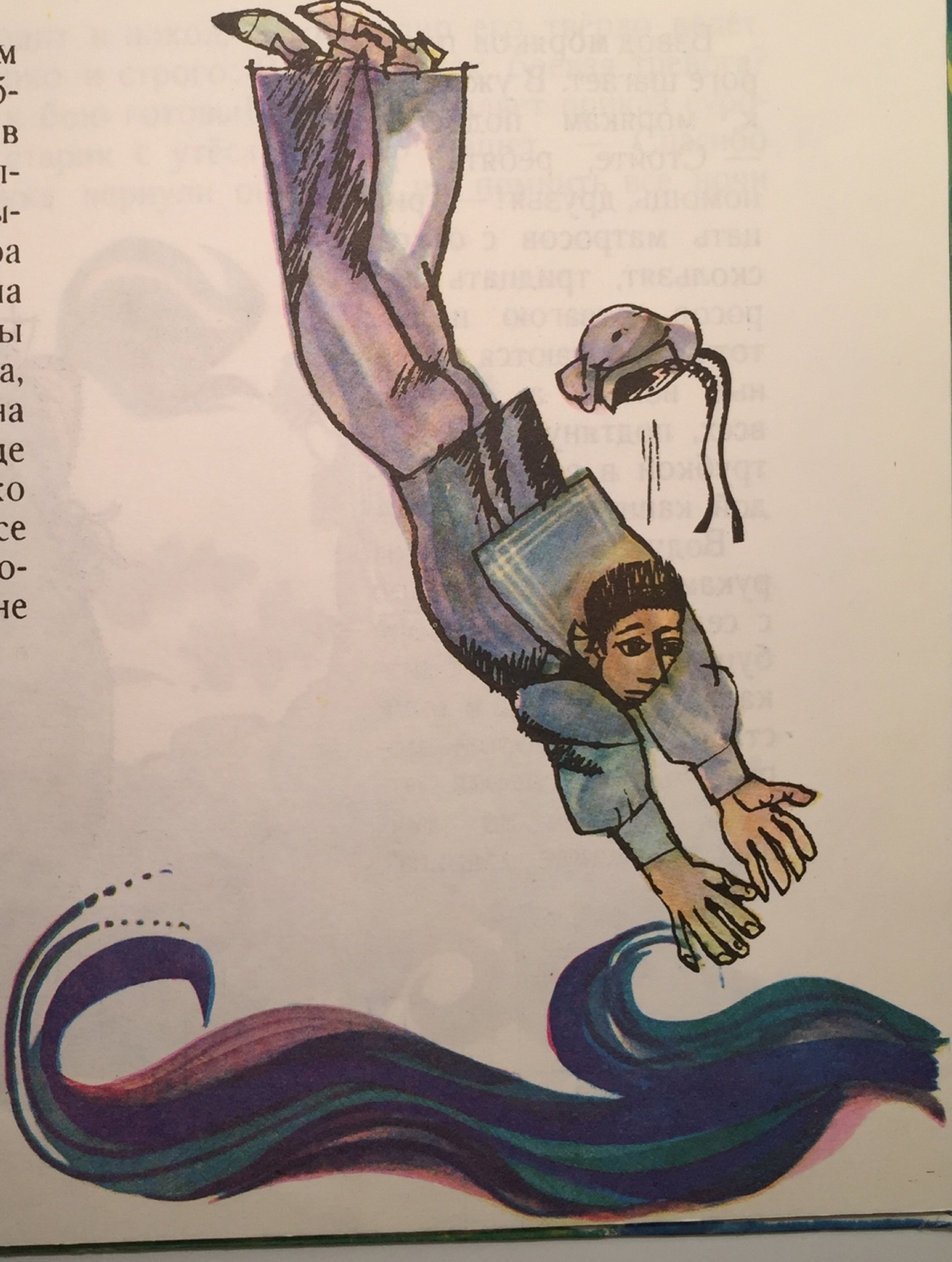
— Ладно! „Варяг“ твой у той вон косы... — Дед на них смотрит и крутит усы.

Дедушка с внуком над морем стоит, дедушка грустно на море глядит. — Брось, говорю, — убеждает он внука, — шапка пропала? Вперёд мне наука. Видишь, как море разинуло пасть? Здесь легче лёгкого в глуби пропасть!

Внук отвечает: — Но я ведь моряк, не подведу я наш славный „Варяг"!

Дедушка с внуком больше не спорит. Храбро внучонок бросается в море, то исчезает в волнах он, то снова выплывет вдруг средь простора морского. Вот набежала большая волна, трижды пловца закрутила она, трижды швырнула она моряка. Замерло сердце в груди старика. Громко кричит он, а в голосе мука: — Люди, на помощь! Спасите мне внука!.

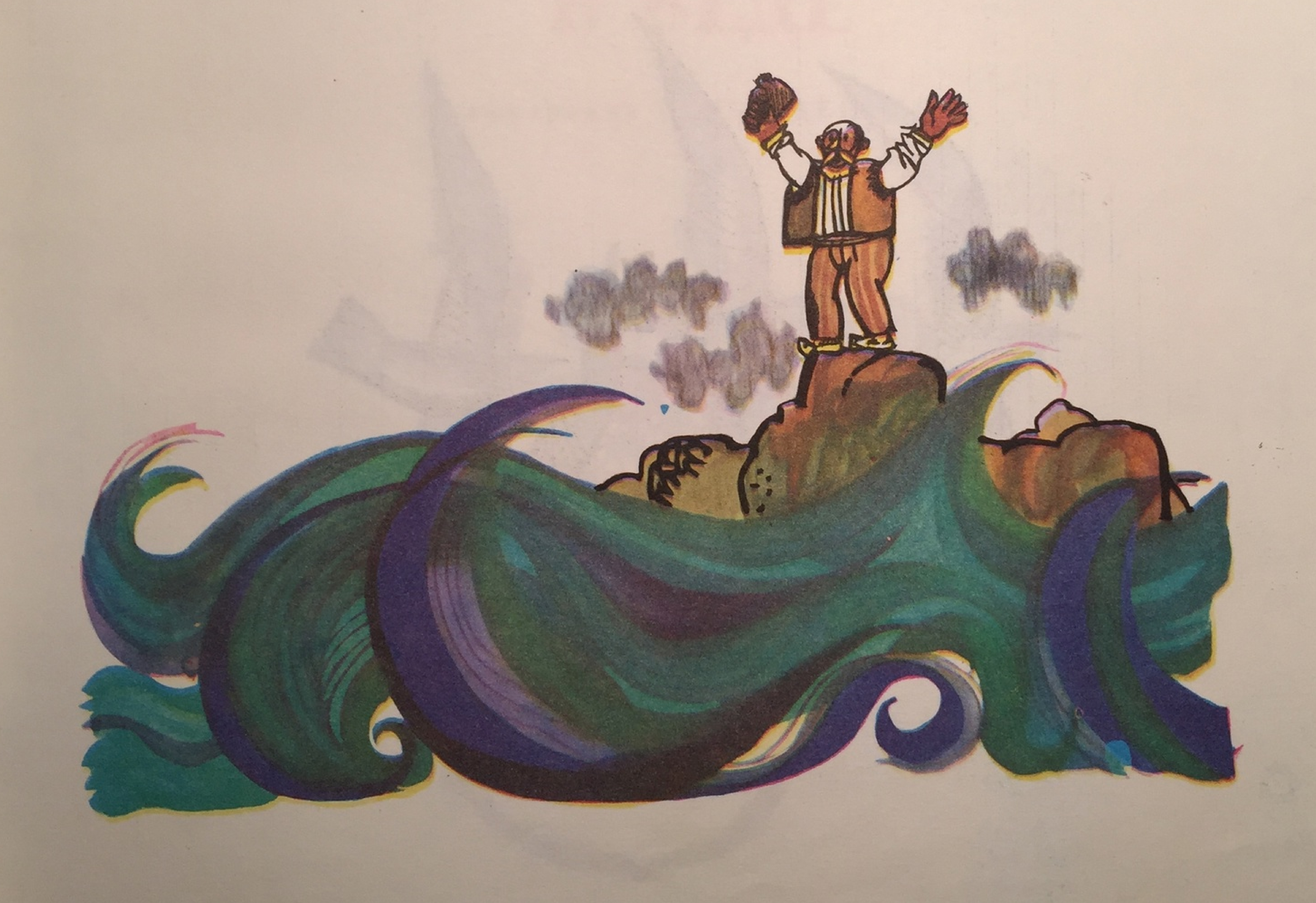

Взвод моряков по дороге шагает. В ужасе дед к морякам подбегает. — Стойте, ребята! На помощь, друзья! — Тридцать матросов с откоса скользят, тридцать матросов, отвагою полны, тотчас бросаются в бурные волны, а впереди всех, подтянут, румян, с трубкой в зубах, молодой капитан.

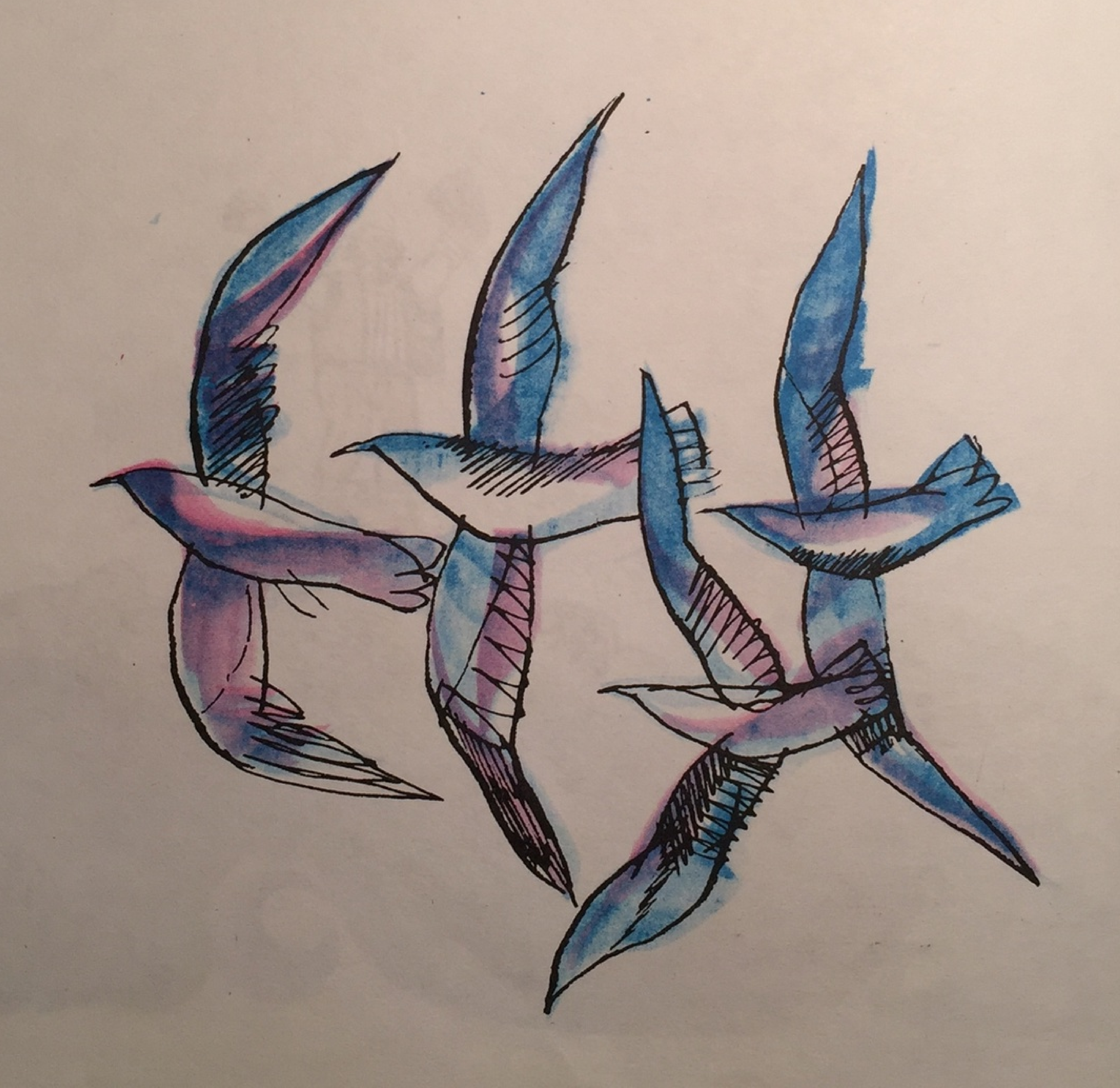
Воду они рассекают руками, борются храбро с седыми валами. Море бушует, но цель уж близка: рваная шапка и внук старика — храбрый моряк, чья бесспорна отвага, лучший из лучших в команде „Варяга".

Гордый корабль выходит в поход, и командир его твёрдо ведёт. Смотрит в трубу он зорко и строго: В море, никак, боевая тревога? — Слушай команду — к бою готовы! — он объявляет приказ суровый. В ту же минуту старик с утёса шапкою машет: — Спасибо матросам! Шапку и внука вернули они, буду их помнить все ночи и дни!

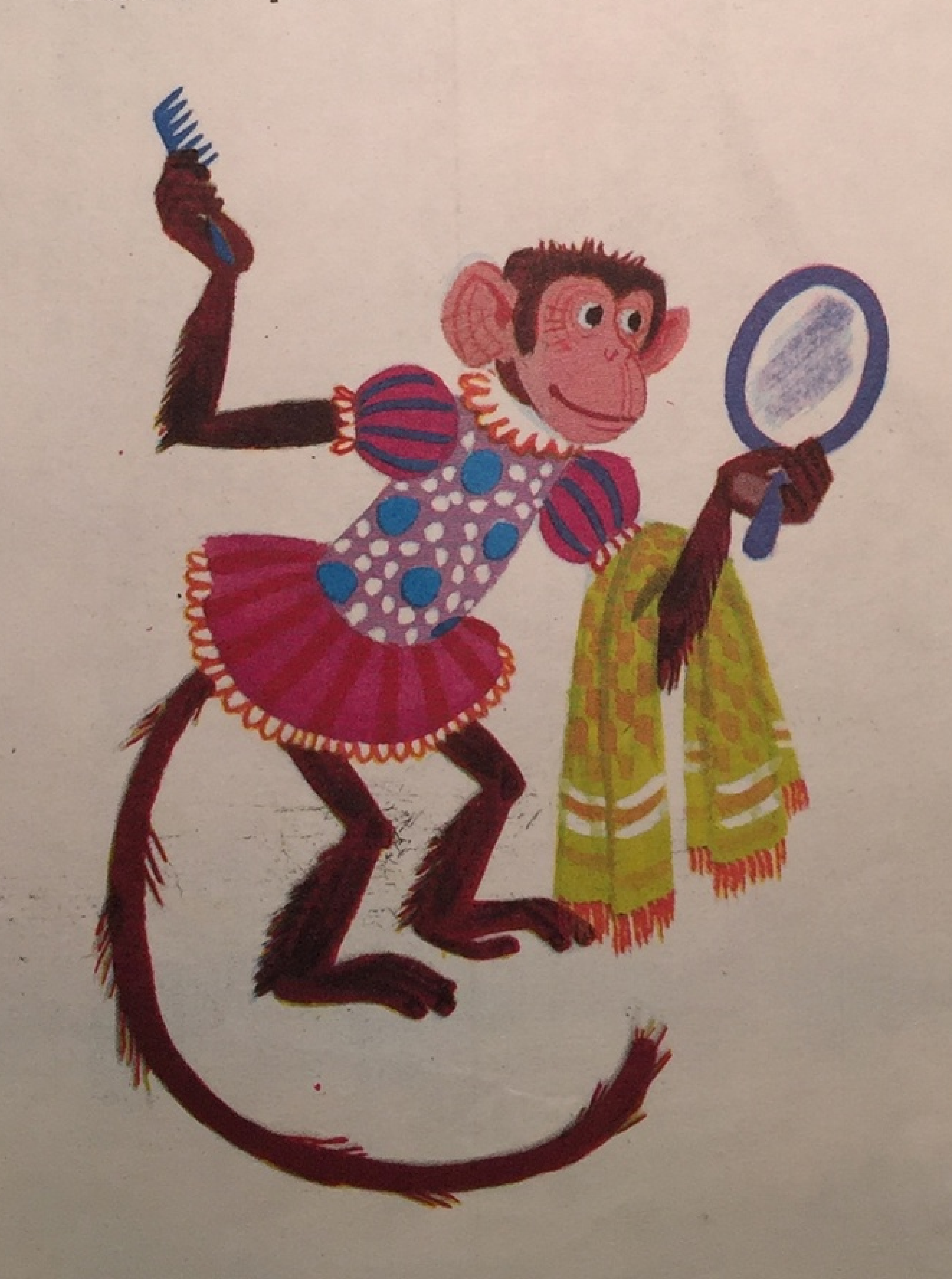
Весел и рад командир боевой, весел и рад капитан молодой, веселы тридцать отважных матросов, весел и внук, что доплыл до утёсов... Знайте, ребятки, всегда и везде людям у нас помогают в беде.

НИКОЛАЙ ЗИДАРОВ

ОБЕЗЬЯНКА АФРИКАНКА В БЕДЕ

Иллюстрации ГЕНЧО ДЕНЧЕВА

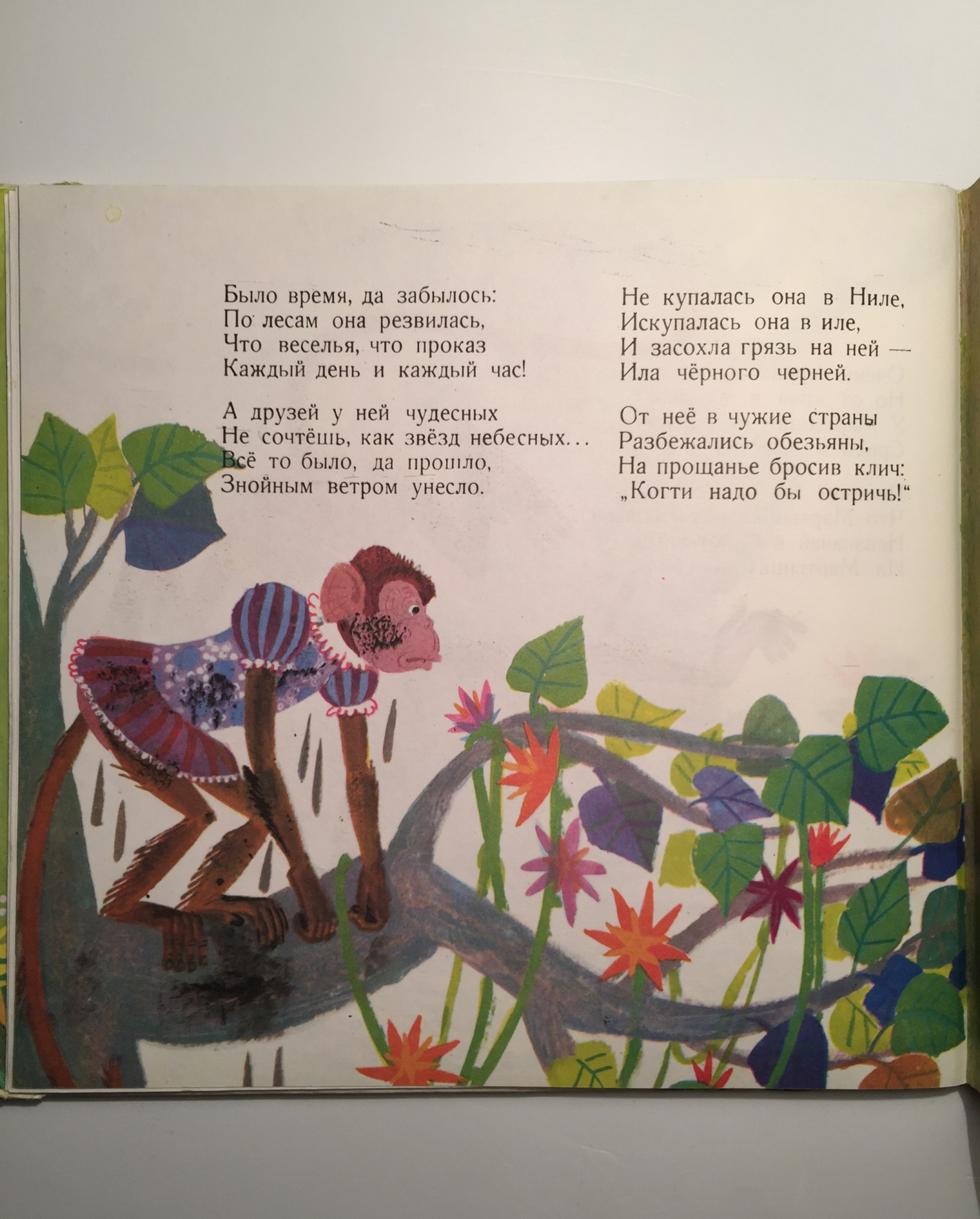

Было время, да забылось:
По лесам она резвилась,
Что веселья, что проказ
Каждый день и каждый час!

А друзей у ней чудесных
Не сочтёшь, как звёзд небесных...
Всё то было, да прошло,
Знойным ветром унесло.

Не купалась она в Ниле,
Искупалась она в иле,
И засохла грязь на ней —
Ила чёрного черней.

От неё в чужие страны
Разбежались обезьяны,
На прощанье бросив клич:
„Когти надо бы остричь!“

Очень Африка большая,
Но от края и до края
У Мартышки нет друзей
Среди множества зверей!

Почему? Уж так случилось,
Что Мартышка раз свалилась
Невзначай в болотный ил.
Ил Мартышку погубил.

Вот с верблюдом зебра рядом.
Мерит зебра строгим взглядом
Обезьянку и ворчит:
„Срам и стыд! Срам и стыд!“

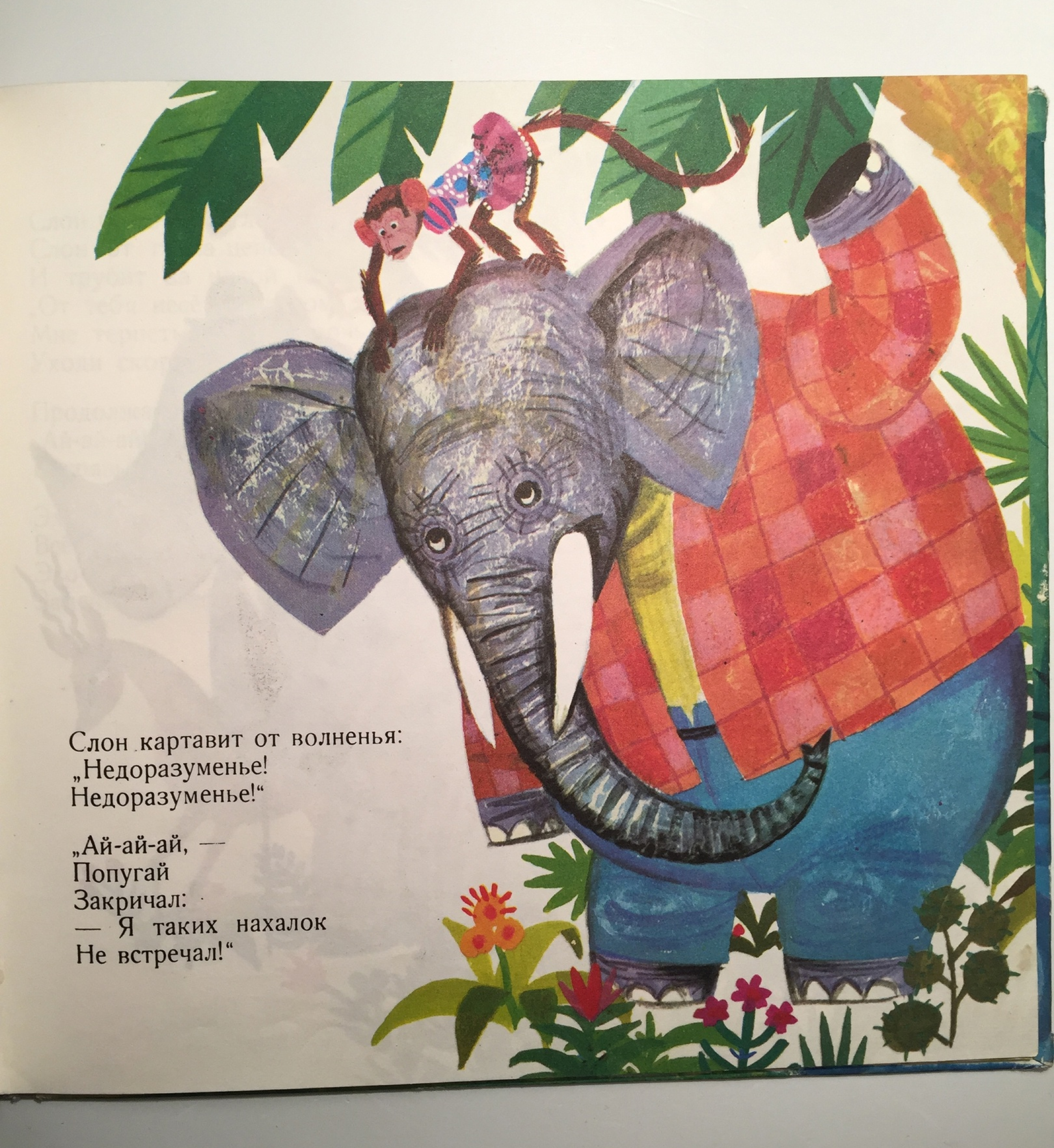
Антилопа, как в припадке,
Удирает без оглядки:
„Не хочу играть с тобой,
Лапы прежде ты отмой!“

Панцирем стуча от страха,
Добавляет черепаха:
„Ты несёшь нам, срам и стыд,
Оспу, тиф и дифтерит!“

А Мартышка — забияка,
Непоседа и ломака,
Ну кривляться и вопить:
„Не учите меня жить!“

Носорог
Единорог
Рассердился: „Вот так штука!
Ей и впрямь нужна наука!“

Слон картавит от волненья:
„Недоразуменье!
Недоразуменье!“

„Ай-ай-ай, —
Попугай
Закричал:
— Я таких нахалок
Не встречал!“

Слон бледнеет, слон краснеет,
Слон от гнева цепенеет
И трубит за нотой нота:
„От тебя несёт болотом,
Мне терпеть тебя невмочь,
Уходи скорее прочь!“

Продолжает попугай:
„Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!
В грязь обратно полезай!“

Эхо чуткое сурово
Всё разносит слово в слово.
Эхо тут с седых времён
Заменяет телефон.

Черепаха как вскипит,
А потом как завопит:
„О тебя, нахалку,
Обломаю палку!“

Тут из Нила крокодил
Заревел что было сил:
„Ты за дерево хвостом

Зацепись,
Ты ракушкой,
Черепушкой
Поскоблись,
В воду Нила ты потом
Окунись!“

„Погоди! — вскричала страус-птица, —
Твой совет, приятель, не годится:
От такой грязнули, право,
Даже нильская водица
Замутится!“

Рассердилась тут Мартышка:
„Я грязнуля? Я глупышка?
С вами, бывшие друзья,
Не играю больше я!“

По лесам грязнуля бродит,
Себе места не находит:
Растеряла всех друзей!
Бесприютно, тошно ей.
Видит, озеро стоит,
Словно зеркало, блестит.

Над водой она склонилась,
Глянула и удивилась;

Испугалась, что за чудо!
На нее глядит оттуда
Обезьяна страшная, сердитая,
Хоть в воде, а неумытая.

Пасть Мартышка разевает —
Та немедля повторяет.
Показала ей язык —
Отвечает в тот же миг.

Тут грозит она уроду:
„Я тебя!“ — и прямо в воду.

Сразу что-то налетело,
Закружило, завертело.
Охватил беднягу страх,
Почернело всё в глазах.

От опасности, в тревоге,
Унесла насилу ноги.
В том уродце злобном, знать,
Не могла себя узнать.

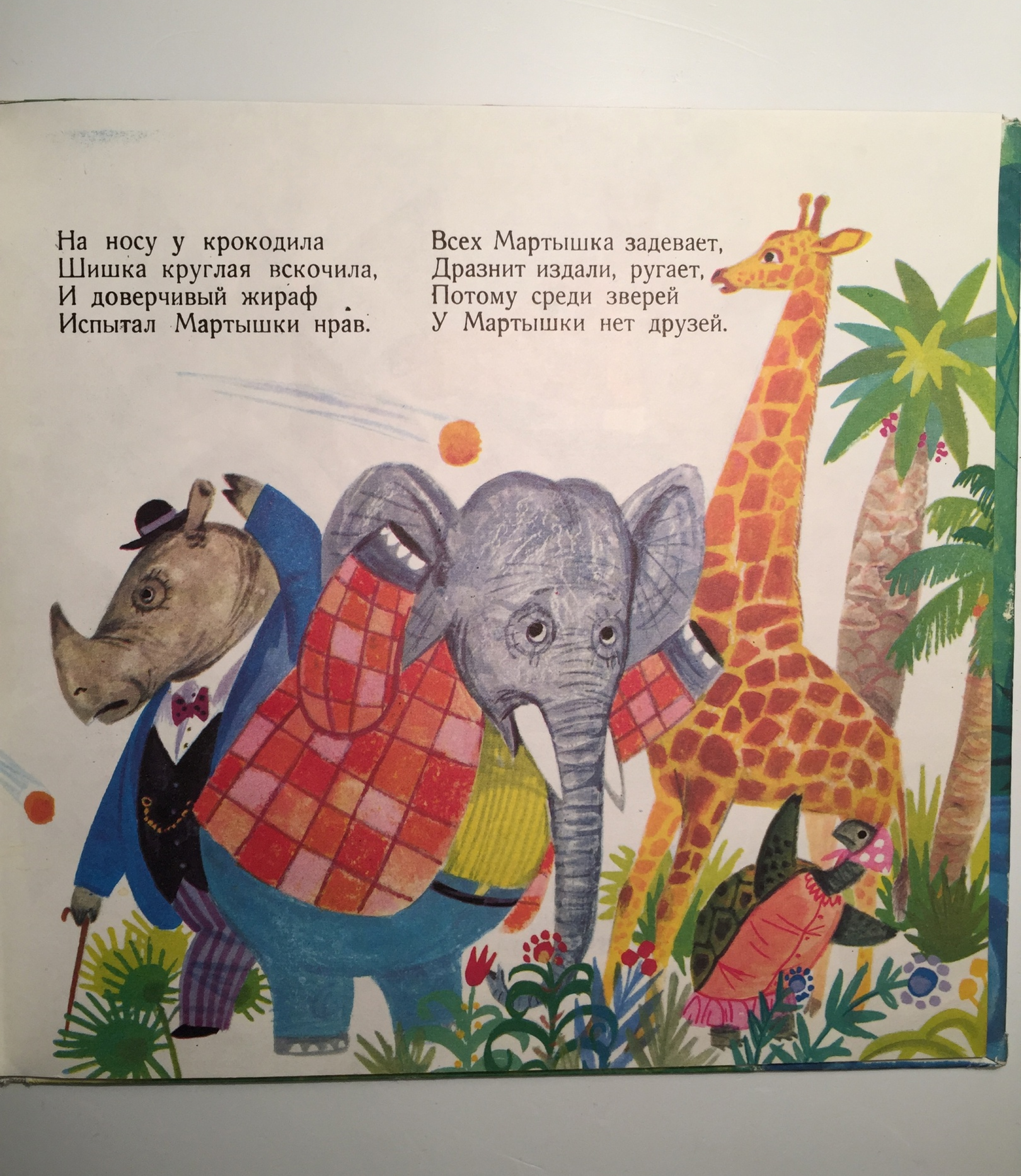
Прочь Мартышка убегает,
А куда — сама не знает.
Видит, пальмы там и тут.
Значит, будет ей приют.

Вся дрожит она от гнева,
Смотрит вправо, смотрит влево,
Хочется до смерти ей
Бывших напугать друзей.

Залилась Мартышка смехом
И кокосовым орехом
Запустила вдруг в слона:
Метко целится она.

На носу у крокодила
Шишка круглая вскочила,
И доверчивый жираф
Испытал Мартышки нрав.

Всех Мартышка задевает,
Дразнит издали, ругает,
Потому среди зверей
У Мартышки нет друзей.

Снится третий сон чумазой,
Но жираф тут долговязый
Кверху шею протянул,
Прямо в нос её лизнул.

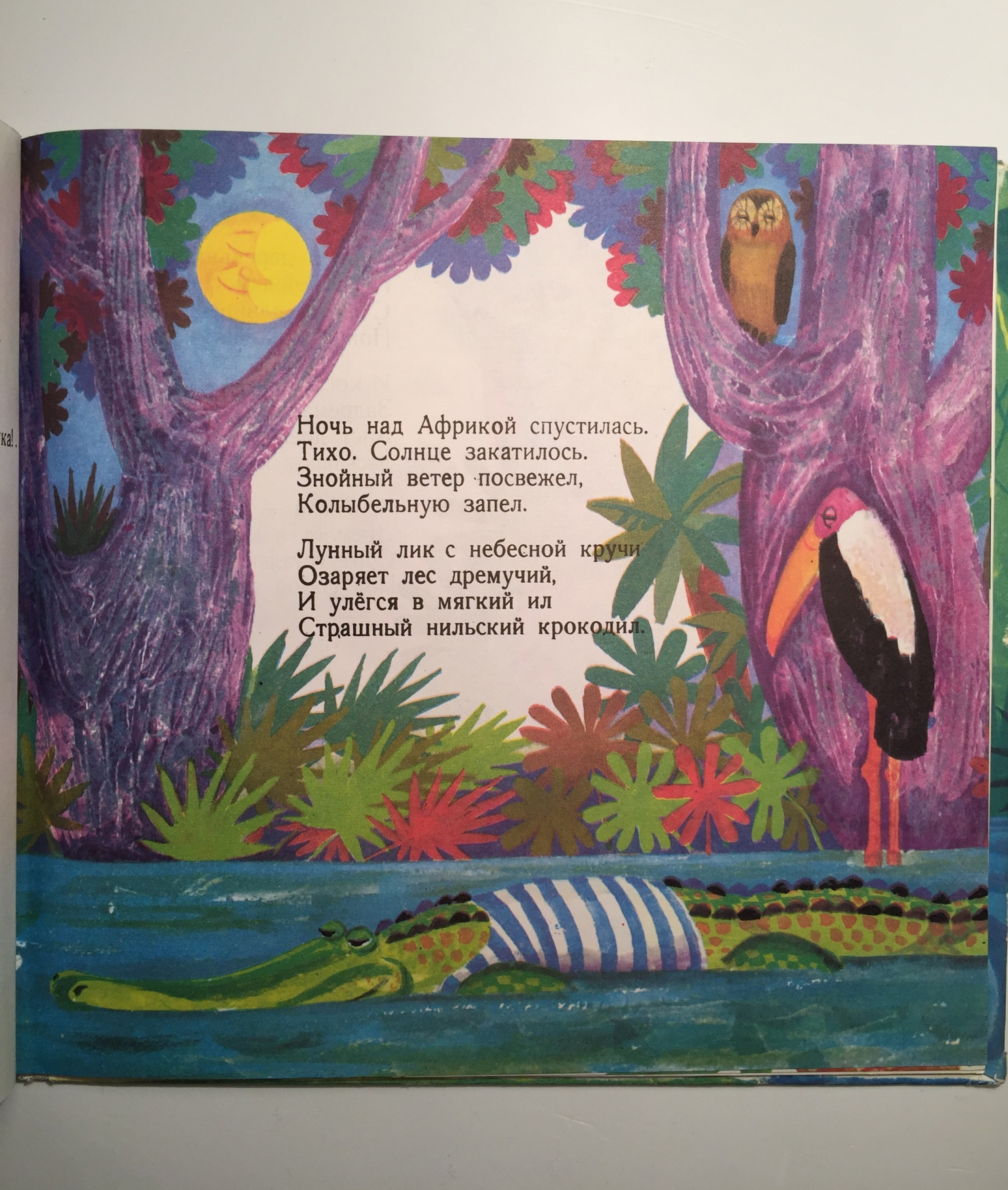
Обезьянка всполошилась,
Наземь с дерева свалилась,
Замотала головой,
Завопила: „Ой-ой-ой!“

Оглянуться не успела,
Словно мячик, вдруг взлетела:
Это носорожий рог
Ей уткнулся в грязный бок.

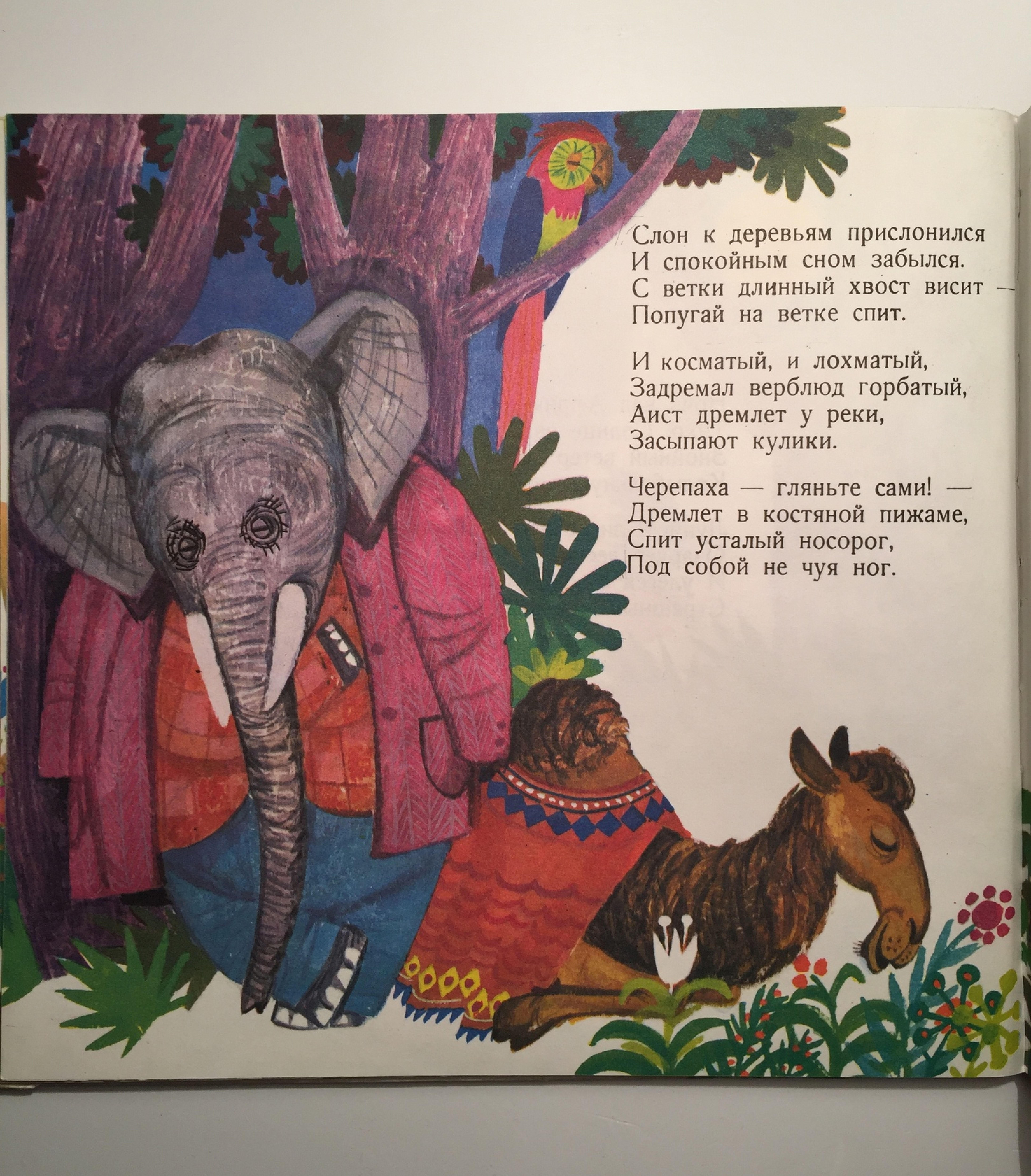
„Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!“ —
Подлетел к ней попугай,
Темя чуть не продолбил..
Слон вдогонку затрубил.

Убегай, Мартышка, ну-ка,
Прячься в зарослях бамбука!..

Ночь над Африкой спустилась.
Тихо. Солнце закатилось.
Знойный ветер посвежел,
Колыбельную запел.

Лунный лик с небесной кручи
Озаряет лес дремучий,
И улёгся в мягкий ил
Страшный нильский крокодил.

Слон к деревьям прислонился
И спокойным сном забылся.
С ветки длинный хвост висит —
Попугай на ветке спит.

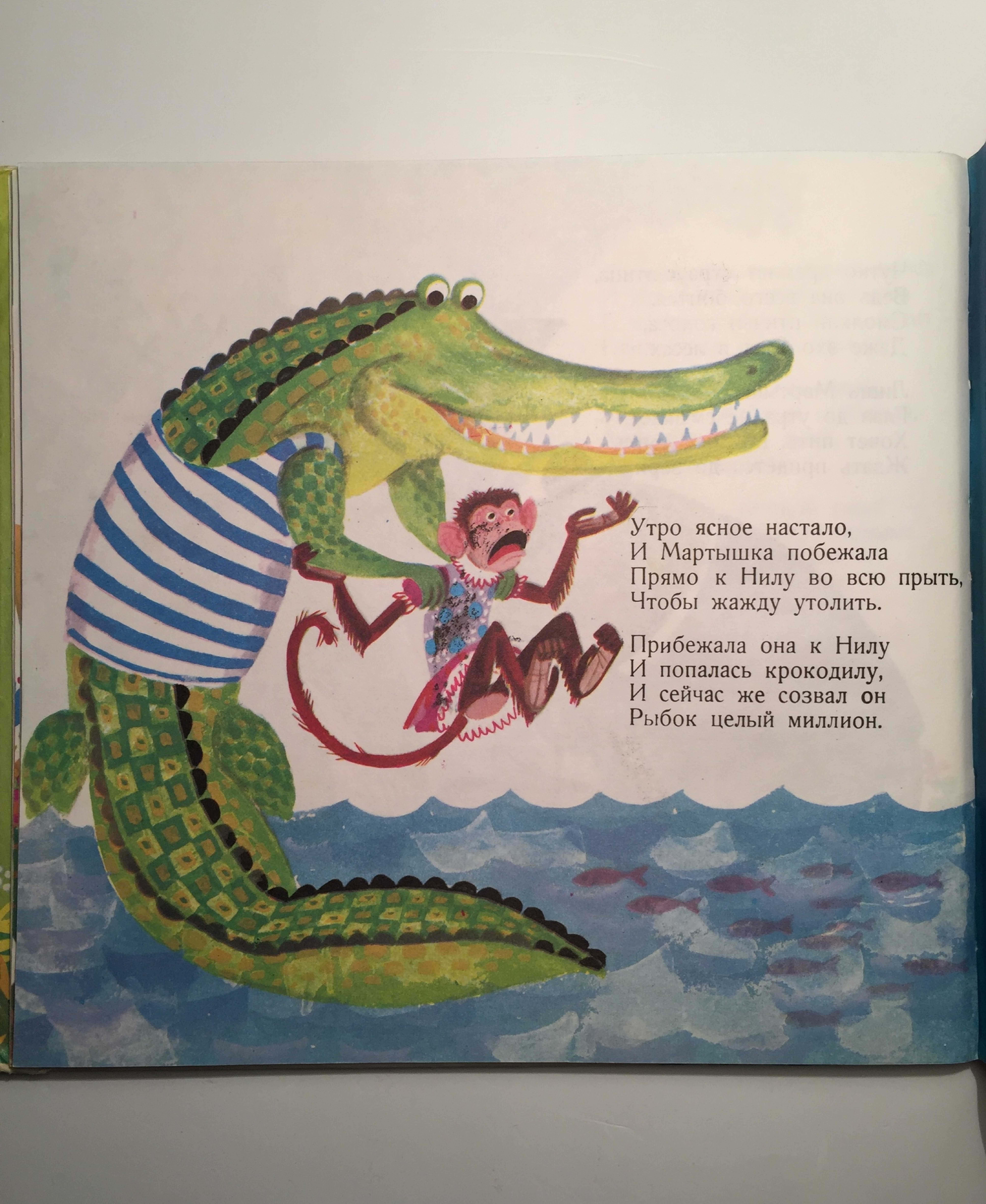
И косматый, и лохматый,
Задремал верблюд горбатый,
Аист дремлет у реки,
Засыпают кулики.

Черепаха — гляньте сами! —
Дремлет в костяной пижаме,
Спит усталый носорог,
Под собой не чуя ног.

Чутко дремлет страус-птица,
Ведь она всего боится.
Смолкли птичьи голоса,
Даже эхо спит в лесах.

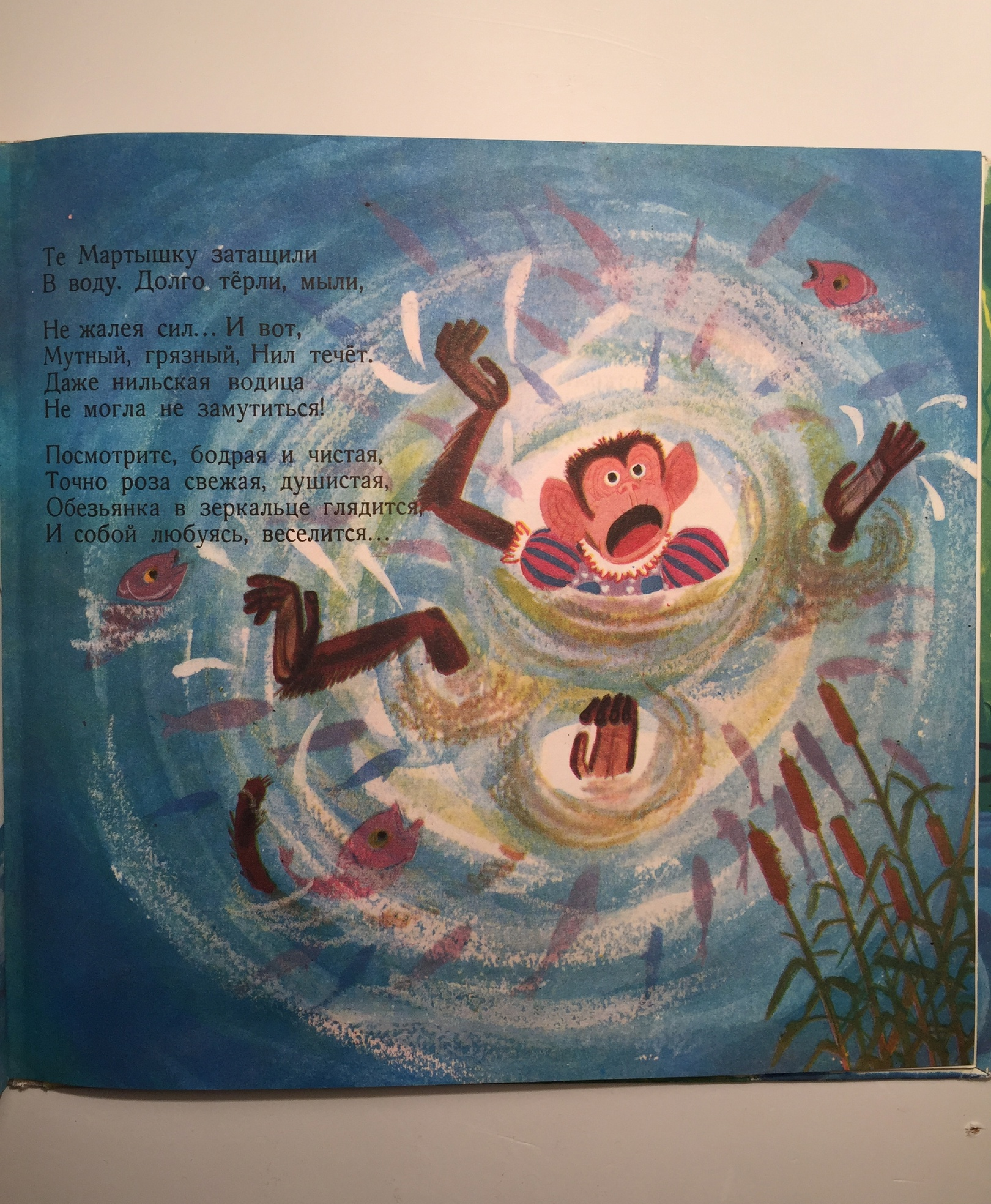
Лишь Мартышка знай вздыхает,
Глаз до утра не смыкает:
Хочет пить, но хоть умри,
Ждать придётся до зари.

Утро ясное настало,
И Мартышка побежала
Прямо к Нилу во всю прыть,
Чтобы жажду утолить.

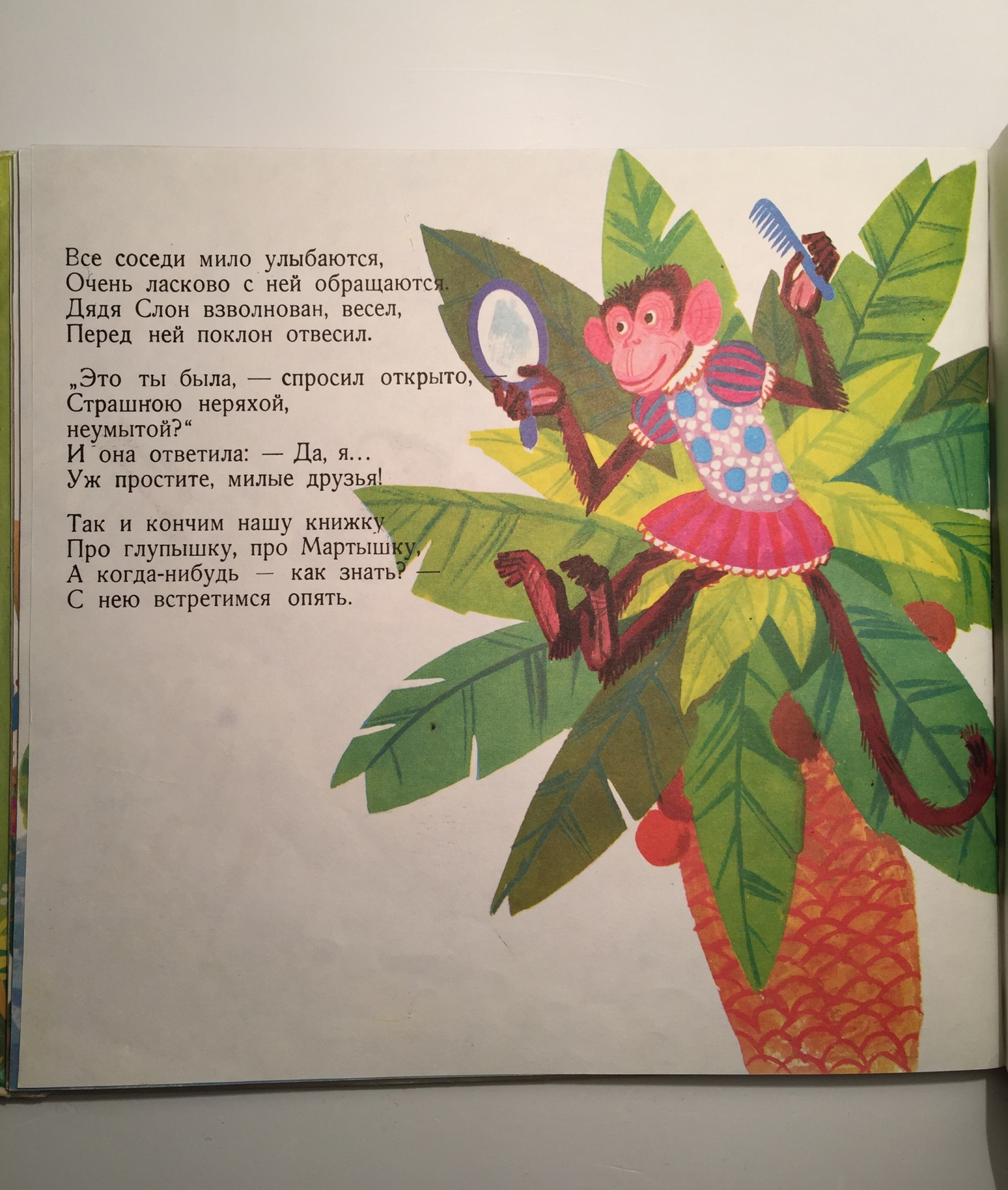
Прибежала она к Нилу
И попалась крокодилу,
И сейчас же созвал он
Рыбок целый миллион.

Те Мартышку затащили
В воду. Долго тёрли, мыли,

Не жалея сил... И вот,
Мутный, грязный, Нил течёт.
Даже нильская водица
Не могла не замутиться!

Посмотрите, бодрая и чистая,
Точно роза свежая, душистая,
Обезьянка в зеркальце глядится,
И собой любуясь, веселится...

Все соседи мило улыбаются,
Очень ласково с ней обращаются.
Дядя Слон взволнован, весел,
Перед ней поклон отвесил.

„Это ты была, — спросил открыто, —
Страшною неряхой,
неумытой?“
И она ответила: — Да, я...
Уж простите, милые друзья!

Так и кончим нашу книжку
Про глупышку, про Мартышку,
А когда-нибудь — как знать? —
С нею встретимся опять.

ЛЫЧЕЗАР СТАНЧЕВ

ПРО АЧО И РУМЯНУ

Иллюстрации РУМЕНА СКОРЧЕВА

Шаловливая Румяна утром встала очень рано. Ей сегодня не до сна: едет на море она. Этот день счастливый самый — едет с папой, едет с мамой, будет на море играть и на пляже загорать! Толь-

ко что поделать с Ачо? С милым Ачо? Вот задача! У него колпак большой, весь малиновый, Ачо клоун не простой, а резиновый.

И Румяна, чуть не плача, говорит:

— Что делать, Ачо? Очень, очень толстый ты, в чемодан не влезешь ты!

Смело Ачо ей в ответ:

— В чемодане места нет? К счастью много есть тропинок: в папин спрячь меня ботинок. Есть там пара про запас. Ведь никто ни видит нас!

Убедил Румяну Ачо, вот и решена задача! Хитрый Ачо в тот же миг влез уверенно в тайник. День пройдёт, и без обмана будет с ним играть Румяна, будет с ним играть везде — и на пляже и в воде. . . К счастью много есть тропинок. . .

Но Румянин папа вдруг порешил вторых ботинок не везти с собой на юг. Взял он их из чемодана, выставляет на балкон. . . Видно, Ачо слишком рано одолел глубокий сон. А Румяна вся сияет — ничего она не знает. . .

Папа, мама и Румяна сели, наконец, в

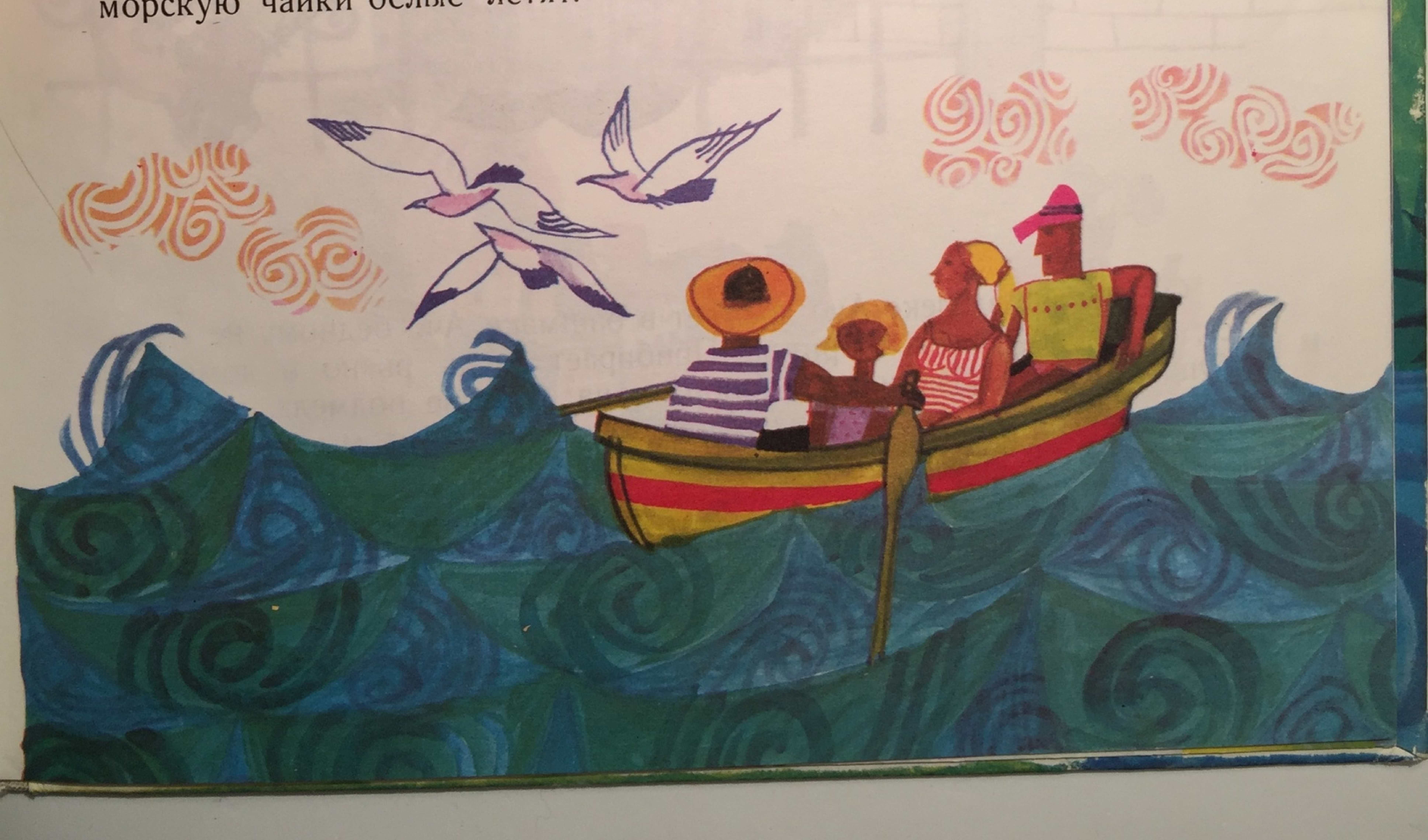
трамвай. В нетерпении Румяна шепчет: „Быстро поезжай!“

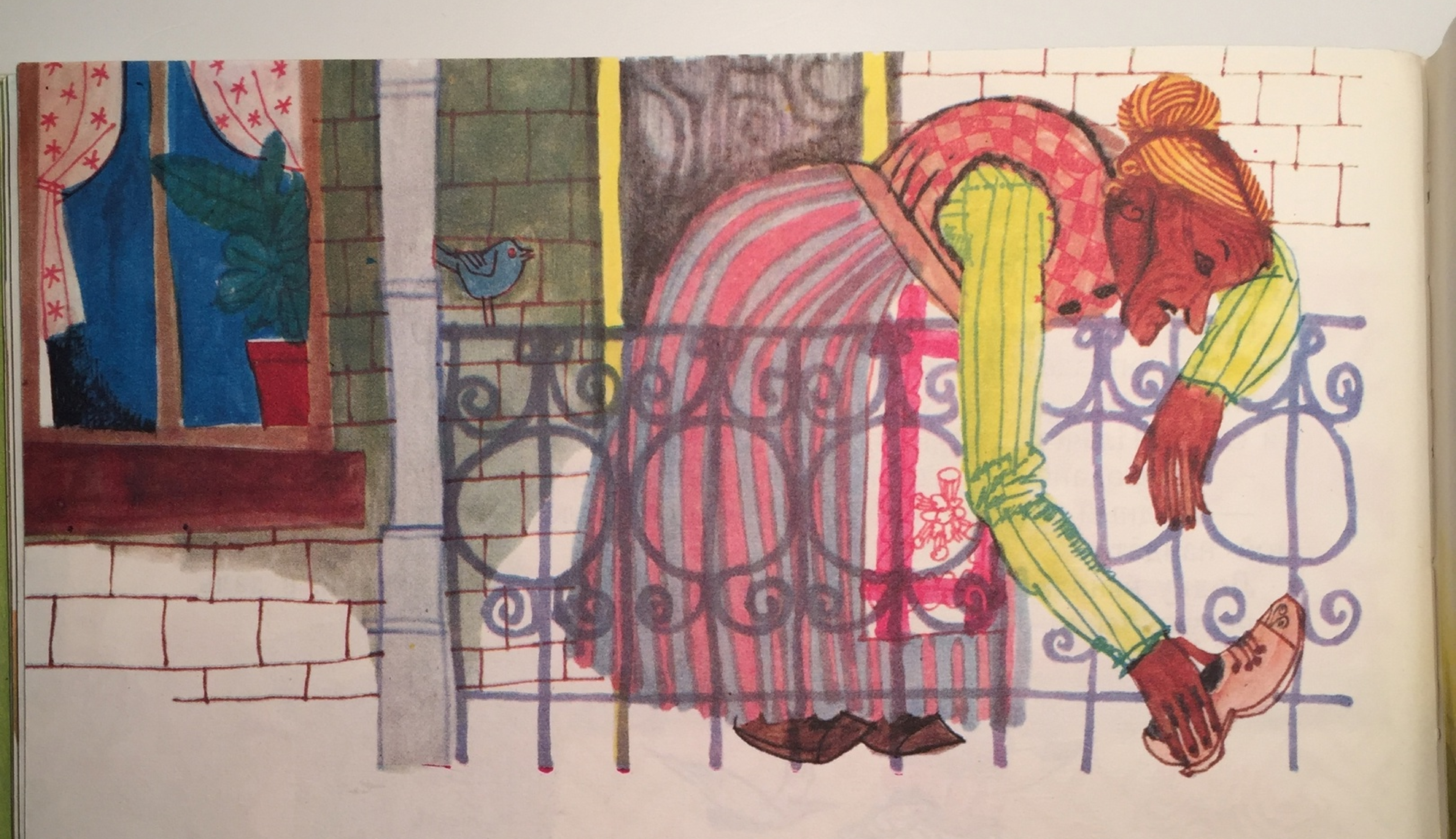
Поезд ждёт по расписанью. Всё в порядке. Дан сигнал. Ровно в час, без опозданья, поезд к морю прибежал. И с улыбкою Румяна заглянула в чемодан: что за штука, вот ведь странно — там от Ачо ни следа! Плачет девочка в тревоге:

— В чемодане нет его! Потерялся он в дороге! Как я буду без него?

— Медный грош не пропадает, и дорогу, словно кот, Ачо твой домой найдёт. . .

Лодку наняли большую. Вёсла новые блестят. Будто тучки, в даль морскую чайки белые летят.

От Румяны вдалеке Ачо дремлет в башмаке. Ачо бедному не снится, что вокруг него творится. Прибирает очень рьяно в доме бабушка Румяны. Наконец-то прибрала, на балконе подмела, не осталось ни пылинки. Вдруг увидела ботинки, никому не мысля зла, над бульваром потрясла.

— Помогите! — крикнул Ачо, вылетая с диким плачем: — Покалечусь, разобьюсь! Я боюсь, боюсь, боюсь!

Он от страха еле дышит, но никто его не слышит: хоть кричи, хоть не кричи, мимо едут циркачи и такой шум поднимают — люди уши затыкают. Тут свалился, потрясён, Ачо прямо на фургон. В том фургоне обезьянка, непоседа-хулиганка, и медведь — учёный он, — и огромный важный слон. Удивилась обезьянка, непоседа-хулиганка:

— Ты-то как сюда попал? Как ты шею не сломал?

— Не могу сломать я шею, я ломаться не умею: из резины я отлит. — Ачо твёрдо говорит. — Ты не видела Румяну? — вдруг спросил он

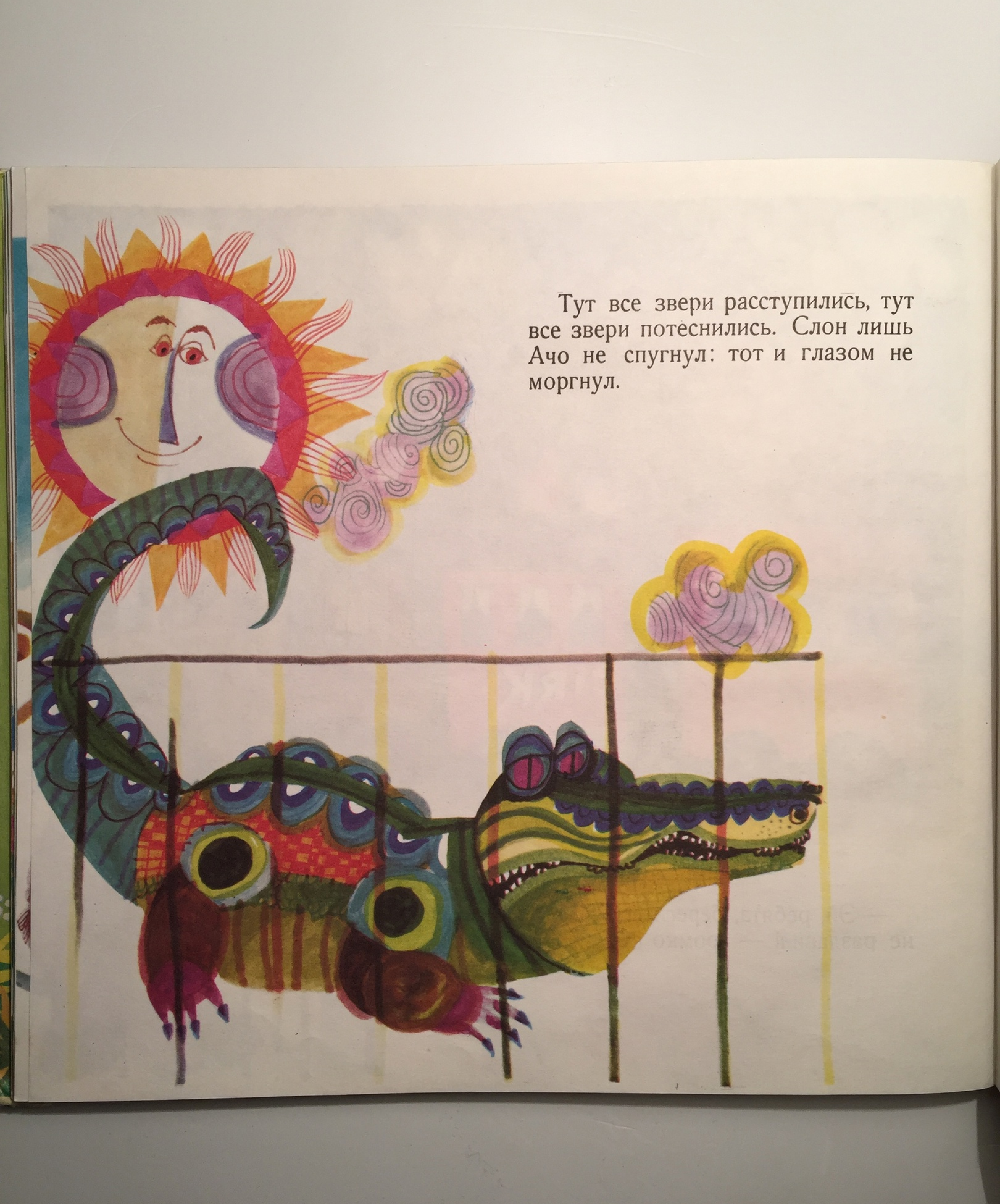

обезьяну: — Мы такие с ней друзья, где она, туда и я. Я сейчас к Румяне еду, буду, может быть, к обеду...

Полным ходом цирк летит. На фургоне Ачо спит. У реки остановились, люди, звери подкрепились. Слон, соскучась в уголке, важно тронулся к реке.

— Эй, ребята, берегитесь! Потеснитесь, расступитесь, как бы слон не раздавил! — громко крикнул крокодил.

Тут все звери расступились, тут все звери потеснились. Слон лишь Ачо не спугнул: тот и глазом не моргнул.

— Проходи своей дорогой и меня, мой друг, не трогай, из резины сделан я, не боюсь, мой друг, тебя!

Слон ужасно рассердился, затрубил, остановился, и со всех слоновьих сил он на Ачо наступил. Обезьянка задрожала и без памяти упала: очень жалко стало ей лучшего из всех друзей.

А наш Ачо знай хохочет и вовсю слона порочит:

— Ты, слонище, — говорит, — очень глупый, — говорит. — Я недаром из резины, из-под этакой махины вылезаю жив-здоров, ехать дальше я готов!

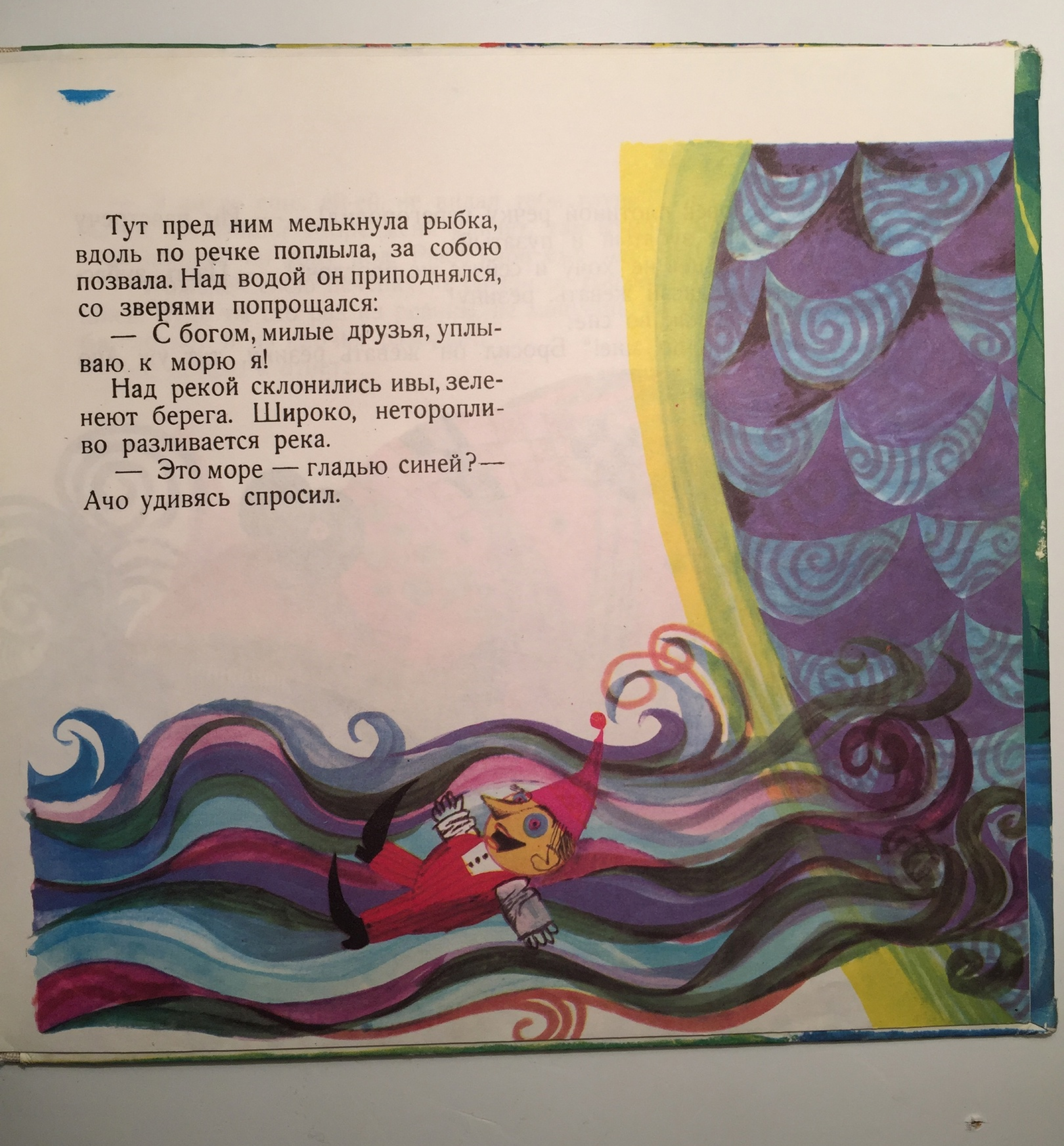
Слон тут пуще рассердился, к Ачо снова подступился и ногою наподдал. Ачо — бух! — в реку упал и поплыл себе с улыбкой.

Тут пред ним мелькнула рыбка, вдоль по речке поплыла, за собою позвала. Над водой он приподнялся, со зверями попрощался:

— С богом, милые друзья, уплываю к морю я!

Над рекой склонились ивы, зеленеют берега. Широко, неторопливо разливается река.

— Это море — гладью синей? — Ачо удивясь спросил.

— Это человек плотиной речку перегородил!.. — Им навстречу вороватый карп зубатый и пузатый:

— Я пришельцев не хочу и сейчас же проглочу! — Пасть зубастую разинул и давай жевать. резину!

Пожевал он, как во сне:

„Эта пища не по мне!“ Бросил он жевать резину, тут уж Ачо рот разинул:

— Я нигде еще, ей-ей, не видал тебя глупей! Не считай меня добычей, слышишь? Море меня кличет, там Румяна меня ждёт...

И поплыл по лону вод. Рыба-карп ему вдогонку:

— Пожалей свою печёнку, не спеши, не горячись, понапрасну не ершись! Будь ты сто раз из резины, не минуешь ты турбины, а она тебя глотнёт и на клочья разорвёт!

Ачо весело в ответ:

— У меня вопросов нет. Поплыву я к морю, к дому по каналу отводному, а не то, того гляди, можно, знаешь, повредить и плотину, и турбину, и любую там машину, и тогда — сойти с ума! — одолеет сёла тьма…

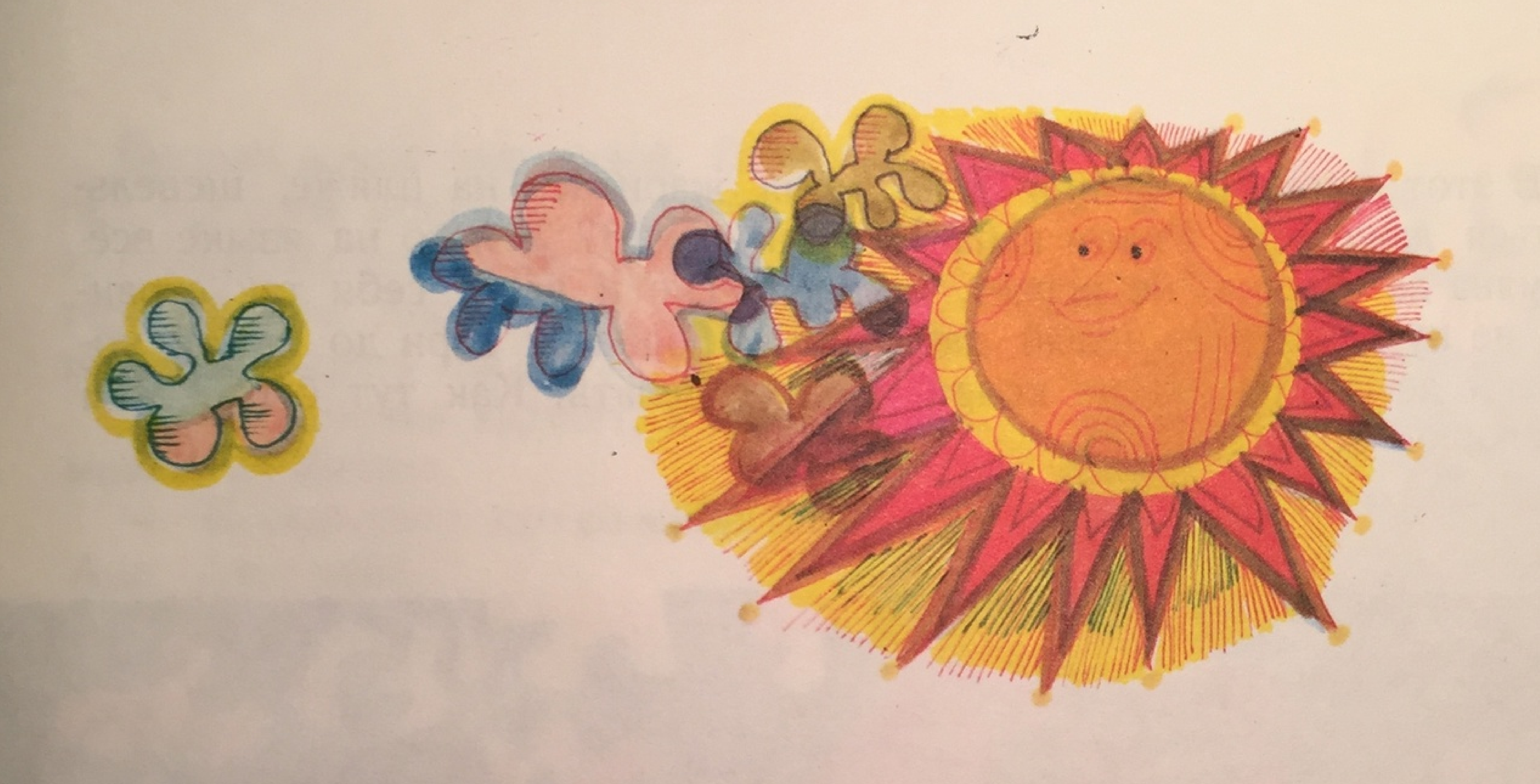
И поплыл наш Ачо снова мимо берега крутого, где у ласковой воды зреют сладкие плоды. Сколько Ачо ни старался, в камышах он затерялся. Бьётся Ачо, чуть дыша, средь густого камыша:

— Помогите! Помогите! Путь-дорогу укажите!

Прилетел к нему на зов аист, жаден и суров. Подхватил он клювом Ачо:

„Вот-то, — думает, — удача! Эту самую лягушку, эту странную вертушку, как домой я прилечу, так сейчас же проглочу!“

„Ну уж нет!“ — подумал Ачо, вдруг увидев под собой берег моря, пляж пустой, и спросил он наудачу:

— Ты ответь-ка мне правдиво, сколько съел ты лягушат за̀ день? —

— Я? Пять штук подряд, — аист отвечал хвастливо: — Уж такой у нас обычай!

Тут он выпустил добычу, и не тратя лишних слов, Ачо — прыг и был таков.

В этот знойный летний день мама жарилась на пляже, шевельнуться даже лень. Рядом папа. Что он скажет? У него на языке всё Румяна да Румяна: не играет, мол, в песке и ведёт себя так странно: не купается она, целый день она — одна от зари до самой ночи и с детьми играть не хочет. Что тут делать? Как тут быть? Чем бы горю пособить?

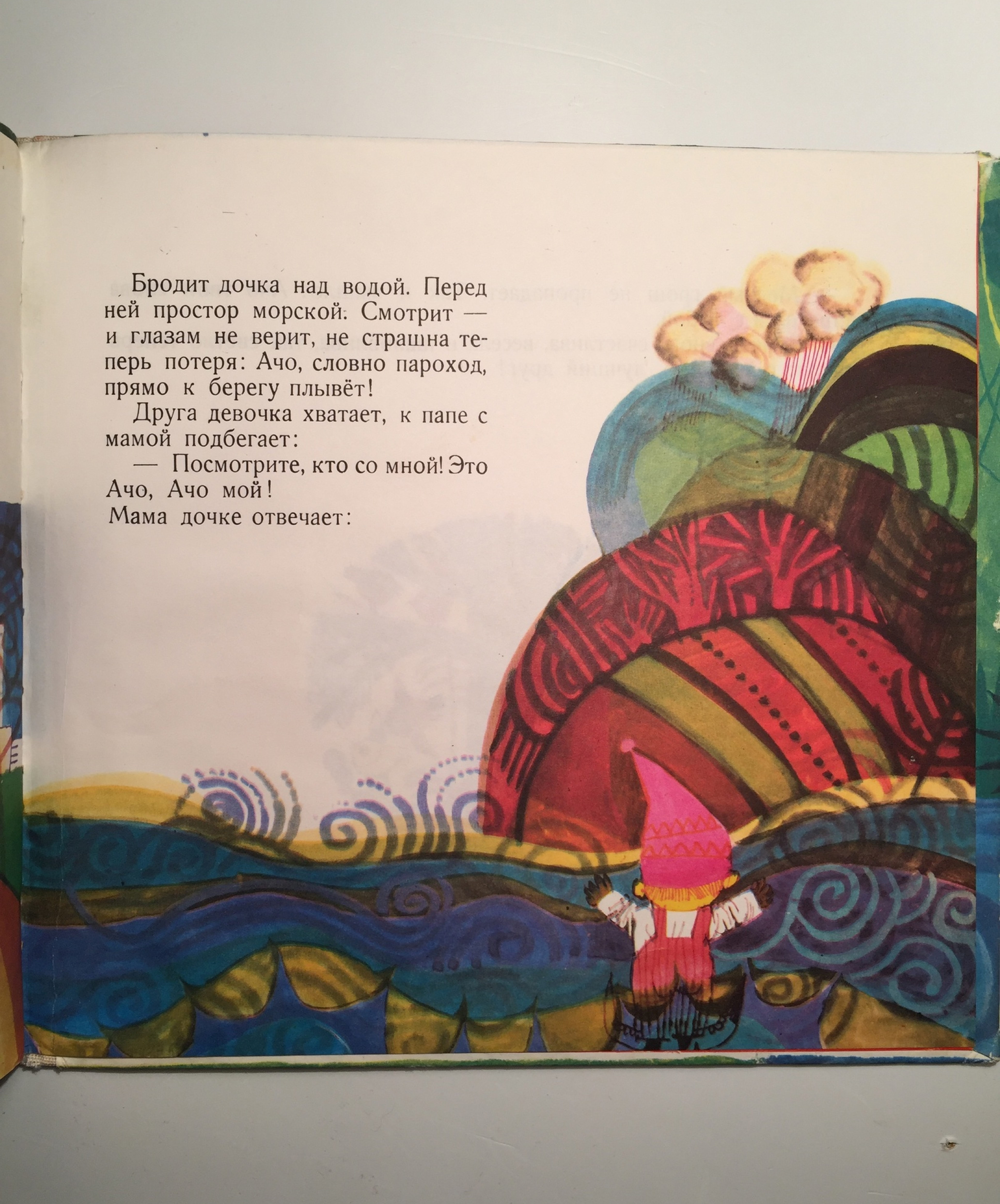

Бродит дочка над водой. Перед ней простор морской. Смотрит — и глазам не верит, не страшна теперь потеря: Ачо, словно пароход, прямо к берегу плывёт!

Друга девочка хватает, к папе с мамой подбегает:

— Посмотрите, кто со мной! Это Ачо, Ачо мой!

Мама дочке отвечает:

— Медный грош не пропадает. Так и вышло: Ачо твой снова встретился с тобой.

И Румяна вновь счастлива, весела и шаловлива, так светло теперь вокруг: с нею Ачо, лучший друг!

0,88 коп